

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ РЫНКА: ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ОБНОВЛЕНИЯ¹

А. И. Татаркин

В статье обоснована потребность в политико-экономическом исследовании рыночной системы хозяйствования под воздействием, с одной стороны, набирающей обороты глобализации и формирования мирового рыночного пространства, с другой — происходящих трансформационных изменениях в основном отношении капиталистической рыночной системы — отношений между трудом и капиталом. Обосновывается тезис о трансформационной замене отношений эксплуатации отношениями партнерства, договорными и ренто-распределительными отношениями между участниками рынка. Предлагается «восстановить в правах» политическую экономию рыночной системы хозяйствования и в качестве отрасли научного знания о законах формирования и развития рыночных отношений на страновом и мировом уровнях, и как теоретико-методологический раздел учебного курса экономической теории.

«Человечеству всегда нужна принципиально новая точка зрения, новый способ научного мышления».

А. А. Богданов. Тектология (Всеобщая организационная наука). М.: Экономика, 1989.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований УрО РАН 12-7-006-СГ «Теоретико-методологическое обоснование и разработка дорожной карты неоиндустриализации регионального промышленного комплекса».

Потребности и условия политико-экономического исследования рыночной системы хозяйствования

Потребности устойчивого развития российской экономики и устранения ее иммунной зависимости от импортно-сырьевых источников роста требует, как нам представляется, серьезного изучения истории зарождения и закономерностей функционирования рыночных отношений в качестве господствующей системы всего общественного развития. Суть данного предложения видится в решении трех проблем.

Во-первых, требуется серьезно, масштабно и глубоко изучить закономерности формирования и функционирования рыночных отношений, с тем чтобы понять, осознать и эффективно использовать современные механизмы и институты рыночной системы и только на этой основе разрабатывать модель государственного управления общественным развитием. Необходимо, как нам представляется, освоить исторические особенности рыночных систем для выбора оптимальной ее модели с опорой на российские особенности — структурные, территориальные, исторические, культурные и другие. На это обстоятельство обращает внимание Г. Гловели, считая, что «неудовлетворенность современным состоянием экономической, в том числе неоинституциональной, теории вынуждает обращаться к диалогу со старым институционализмом. И такого же диалога с организационной версией политэкономии в широком смысле требует современное обсуждение будущего политэкономии в России» [18, с. 134]. Во-вторых, необходимо публичное обсуждение возможности формирования в Российской Федерации именно российской модели рыночной системы хозяйствования как стратегической основы всего общественного развития и поддержания социального согласия. Попытки навязывать общественному развитию России отдельные элементы рыночных систем США, Германии, Японии или Швеции, как бы они ни оценивались, не будучи органически встроенными в российскую систему, эффективными не будут. По мнению И. Кац, мировой экономический кризис «представляет собой кризис базовой системы ценностей капиталистической формы хозяйствования, доминирующей в мире и лежащей в основе построения мирохозяйственных связей, ...принятая при капитализме система целеполагания, основанная на максимизации прибыли любой ценой, изжила себя, стала первопричиной того, что производительный капитал все более вытесняется спекулятивным» [29, с. 76-77]. Российскую мо-

дель рыночной системы хозяйствования автор предлагает формировать посредством кардинального повышения роли труда, который «позволил странам, не располагающим существенными природными ресурсами, добиться впечатляющих результатов в своем развитии» [29, с. 76].

Наконец, в-третьих, важно с научно-методологических позиций оценить особенности рыночных отношений и соответствующей системы хозяйствования, причем не столько как капиталистической системы эксплуатации наемного труда и присвоения прибавочной стоимости. Принципиально важным — и это является целью статьи, — считаем выделение трансформационных изменений в основном отношении капитализма и всей его системе, обусловленных превращением распределительных отношений в основной инструмент эксплуатации населения и обогащения элиты общества.

Исследуя рыночные отношения, обратим внимание на два обстоятельства. С одной стороны, капиталистическая стадия рыночного развития выступает высшей и завершающей стадией товарного производства, основанной на эксплуатации наемного труда и присвоении собственником капитала прибавочной стоимости. По справедливому замечанию академика РАН Л.И. Абалкина, «капитализм и рынок — это качественно разнородные явления. Рынок старше капитализма. Он является необходимым и неустраняемым явлением человеческой цивилизации...» [2, с. 46].

С другой стороны, в процессе развития капиталистической системы постоянно совершенствуются как ее производительные силы, так и производственные отношения. В последние годы капиталистический способ производства заметно трансформировался и изменился, что актуализировало необходимость «политико-экономического подхода к анализу современного развития под воздействием ИКТ (информационно-коммуникационных технологий — А. Т.)». Обсуждается проблема «политической экономики мирового хозяйства», в исследовании которой должны превалировать процессы оптимальной открытости национальных экономик при расширяющемся их участии в глобализации и защите национальных интересов [51, с. 61-73; 30, с. 10-25].

А.В. Бузгалин и А.И. Колганов обосновывают постклассическую политическую экономию, которая принципиально иначе рассматривает экономику. Постклассическая политическая экономия рассматривается как «сово-

купность качественно различных исторически конкретных объективно-обусловленных систем производственных отношений, в которые не только индивиды, но и их социальные группы вступают в процессе воспроизводства. Эти системы взаимодействуют с природой и технологическими основами экономики, а также ее социо-гуманитарным оформлением в процессе исторического развития, критерии прогресса которого и задают высшие критерии эффективности экономического процесса» [11, с. 34, 35].

Высказываются аргументы и противоположного характера, якобы «оправдано рассматривать экономическую науку как национальную и на этой основе ее классифицировать» [58, с. 25]. По мнению Д. Е. Сорокина, политическая экономия «только тогда сможет обеспечивать прирост своего знания, когда предмет ее изучения будет носить конкретно-исторический характер. И именно в этом строго определенном смысле можно говорить о научных политико-экономических системах не только отдельных стран..., но и различных этапов их исторического развития» [61, с. 80].

Прав автор, считая, что политическая экономия в последние годы прирастала главным образом за счет исследований особенностей развития национальных экономик на государственно-монополистической или социалистической ступенях трансформации рыночных систем. Но это утверждение справедливо лишь для рубежа XIX и XX вв. и исключительно потому, что всеобщие закономерности развития рыночных систем были в основном разработаны К. Марксом и предшественниками, а задача национальных политических школ виделась и реализовывалась в использовании общетеоретических закономерностей с учетом национальных особенностей.

Логика рассуждения и аргументации В. Т. Рязанова основана на двух постулатах принципиального характера. Первый: «Если классическая политическая экономия — это наука о всеобщем в экономике, то национальная экономия — это наука об особенном. Что же касается предмета изучения, то он во многом совпадает, имея в виду ориентацию на изучение экономических отношений» [58, с. 38]. В первом случае предметом являются отношения между универсальными хозяйствующими субъектами (продавцами и покупателями, собственниками и наемными работниками). Во втором — национальные экономические отношения. Именно поэтому «национальная экономия остается по многим методологичес-

ким канонам в рамках политико-экономической парадигмы» [58, с. 38-39]. Второй — разработка собственного (национального) варианта политической экономии особенного должна стать, по мнению автора, «главным направлением развития отечественной научной традиции. Названная школа в свой состав включала разные течения — такие, как славянофильство, народничество, православно-самодержавная ветвь, а также философию хозяйства, евразийство, экономическую теорию социализма» [58, с. 39].

Развернутый анализ позиции сторонников политической экономии особенного дан в ходе обсуждения ее на страницах Российского экономического журнала [72; 73, с. 45-59]. К приведенным аргументам есть необходимость добавить лишь один: экономические законы — общие и особенные — не могут действовать изолированно, в отрыве друг от друга. Логика их функционирования и проявления всегда и при всех условиях основана на их интегрированном воздействии на социально-экономические процессы на всех уровнях хозяйствования. Системное их действие не исключает и формирования национальных политико-экономических школ и научных направлений особенного, так как в каждом особенном всегда присутствует определенный «сгусток» общего... Точно также и в каждом общем всегда присутствует особенный «сгусток» национального в глобализированных связях, формах организации производства, роли государства в воспроизводственном процессе и т. п. Все известные политэкономы всегда основывались на общем и всеобщем при моделировании особенного и опирались на особенное при развитии общего, не делая попыток противопоставлять их друг другу [69, с. 84].

Достаточно вспомнить работу В. И. Ленина «Развитие капитализма в России», которая олицетворяет собой диалектическое сочетание глубокого знания общего при определении путей развития особенного. Политэкономические исследования советских экономистов и практика государственно-планового регулирования рыночного хозяйства стали основой для модернизационных трансформаций рыночных систем в других странах. Теоретические исследования Дж. М. Кейнса о роли государства в поддержании рыночного равновесия использовались руководством США для преодоления Великой депрессии. Именно поэтому, признавая за политической экономией мировоззренческую миссию [61, с. 83], логично сохранять последовательность — от мировоззренческого

знания общих (всеобщих) закономерностей к выработке национальных (особенных) вариантов и моделей социально-экономического развития страны с учетом ее структурных, национально-исторических, религиозно-культурных и других особенностей и традиций. Такой, по нашему мнению, должна быть диалектика познания политико-экономических проблем развития рыночных систем.

Макроэкономические условия трансформации капиталистической рыночной системы

История развития рыночных отношений и трансформации их национальных систем дает основание предполагать серьезные системные изменения в их сущности и формах проявления. С высоты опыта XXI века можно с большей уверенностью говорить о социальной направленности классически капиталистических рыночных систем в Швеции, Германии, Франции, Англии, Соединенных Штатах Америки, Японии и других странах в социально ориентированное рыночное хозяйство. В рыночную систему, способную создавать условия для «повышения благосостояния всех» [75, с. 6]. Понятно, что каждая страна трансформируется в мировую рыночную систему, опираясь на накопленный опыт наиболее развитых и успешных в рыночном отношении стран. Примеры Польши, Прибалтийских стран, Китайской Народной Республики, нескольких ранее «новых индустриальных стран» (НИС) дают основание утверждать, что успеха добиваются те страны и народы, которые хорошо знают историю и закономерности функционирования рыночной системы, осознают ее положительные возможности и не «отмахиваются» от присутствующих рыночной системе противоречий и возможных рисков.

Приоритетная задача руководства стран, осваивающих рыночные методы, в том и состоит, чтобы на основе всестороннего изучения опыта развитых стран и опираясь на общественное мнение предложить наиболее приемлемую модель рыночного развития экономики и всего общества. Модель, которая будет не только основываться на накопленном мировым сообществом опыте, но и в полной мере задействует ресурсный, природно-климатический, творческий и социально-экономический потенциал страны. Но и этого, как показывает практика трансформационных процессов в бывших странах социалистического лагеря, явно недостаточно для системных изменений в обществе. Поставленная за-

дача будет успешно решена там и тогда, когда «проверенные мировым сообществом» модели рыночного развития будут бережно «вращаться на национальной почве» с учетом исторических, культурных, географических, религиозных и иных национальных традиций и особенностей. Понятно, что задача сложная и трудновыполнимая в сжатые сроки и при ограниченных ресурсных возможностях.

Именно поэтому важно повысить роль общественного мнения в решении стоящих перед страной задач, особенно в сферах активного использования отечественным бизнесом и государственными структурами (госкорпорациями и ведомствами) средств и ресурсов для приоритетного развития собственной экономики. Проблемы развития отечественного производства и научно-технического его обновления, к сожалению, вот уже более 20 лет не находят политико-экономической поддержки у российской правящей элиты. Современное руководство под «либерально-рыночное сопровождение» экономических советников продолжает отвергать импортозамещение, возрастающую потребность ускоренного развития и неоиндустриализации отечественной промышленности, системного решения проблем АПК и др., продолжая политику максимальной открытости российской экономики¹.

Труднорешаемой для российского общественного развития остается проблема дефицита подготовленных специалистов-рыночников, способных не по учебнику «Экономикс» и не «по понятиям» формировать национальную рыночную систему на всех уровнях. Из опыта СССР можно сделать практически безальтернативный вывод, что его руководство, политически ориентированное на коллективистские результаты, было не в состоянии объективно оценивать мотивационные возможности рыночных институтов для ускоренного развития страны. Отдельные попытки органически «встроить» их в централизованную плановую систему закономерно ограничивались партийно-идеологическими и психологическими догмами и постулатами несовместимости плановой и рыночной систем развития. Глобальный кризис 2008–2009 гг. убеждает, что не менее заикленно ведут себя руководители стран с рыночной системой и либерально-рыночным менталитетом. Они оказались не способными выйти за рамки либерально-рыночного постулата «невидимой руки рынка»,

¹ Более подробно об издержках современного государственного руководства социально-экономическим и общественным развитием см. в [10, с. 133-147; 73, с. 5].

чтобы объективно и системно анализировать состояние и прогнозировать устойчивое развитие рыночных процессов, повышая регулирующую роль государства при появлении первых признаков сбоя.

Один из наиболее активных теоретиков конвергенции плановой и рыночной систем Мозес Абрамовиц выдвинул предположение, суть которого сводится к необходимости иметь базовый элемент национального потенциала ускоренного развития — «потенциальные социальные возможности» (*social capabilities*), включающие способности нации осваивать новые технологии, привлекать капитал и участвовать в глобальных рынках. Последователи Абрамовица Джеффри Сакс и Э. Уорнер обследовали 111 стран мирового сообщества и обнаружили, что среднегодовые темпы ВВП на душу населения в странах с открытой экономикой составили в 1970–1989 гг. 4,5%, а с закрытой — 2%, и на этом основании сделали вывод, что только свободная торговля и открытость национальных экономик могут обеспечивать оптимальную конвергенцию [26, с. 18-19]. По мнению Л.П. Евстигнеевой и Р.Н. Евстигнеева, «нельзя стать лидером в роли „великого комплекующего“». В России с ее огромными возможностями проблема ускоренного развития «должна опираться не столько на традиционные экономико-технологические возможности, сколько на факторы ментальности, на специфику страны с точки зрения прежде всего способа жизни и только во вторую очередь — на особенности способа производства» [26, с. 10-11]. Именно поэтому обязательной нормой должно стать требование коллективной, или «командной», разработки стратегии развития рыночных отношений и их публичного одобрения. Только после публичного одобрения подобные материалы могут оформляться в качестве закона или иного нормативного документа, обязательного для исполнения всеми органами, рыночными агентами и населением.

К высказанным и опубликованным замечаниям есть необходимость высказать еще одно предложение, которое без активной поддержки государства вряд ли может быть реализовано. Суть его в разработке, публичном обсуждении и принятии рыночного кодекса взаимоотношений государства и бизнеса, бизнеса и работников, государства и населения, который должен стать морально-нравственной основой объединения всех групп населения и рыночных агентов для формирования в Российской Федерации цивилизованного рыночного хозяйства с четкими приоритетами стратегичес-

кого характера. Подобный документ должен стать результатом общественного творчества и инициативности всего населения РФ и различных профессиональных групп и объединений, науки и НКО, институтов гражданского общества и представителей всех уровней власти и управления. При его разработке, обсуждении и принятии не должно быть ни давления, ни навязывания групповых или узковедомственных интересов или предпочтений, ущемляющих или ограничивающих интересы других. Этот рыночный кодекс, на наш взгляд, должен содержать поддержанные общественным мнением ответы на злободневные вопросы стратегии общественного развития Российской Федерации на долгосрочную перспективу.

В перечне этих вопросов могли бы быть: система государственного устройства (федерация, унитарное государство, унитарное с сохранением национальной автономии и др.); форма правления (президентская, парламентская и др.); территориальное деление страны и статус территориальных структур; модель общественного и социально-экономического развития России (социальное или олигархическое общество, рыночное или рыночное с элементами государственного планирования и др.); ответственность государства и его органов перед населением и рыночными агентами за создание и поддержание в обществе комфортных условий для жизни и ведения бизнеса, выбор и реализацию общественных и социально-экономических приоритетов (развитие реального сектора экономики или создание мирового финансового центра в г. Москва? Обустройство российского пространства общенациональной программой расселения и закрепления населения на осваиваемых территориях или продолжение политики ликвидации школ и центров культуры в неперспективных поселениях? Возведение «потемкинских деревень» или государственное инициирование и проведение масштабной модернизации и неоиндустриализации? Опора на развитие национальной промышленности или усиление сырьевой зависимости?).

В предлагаемом документе должны найти отражение и нравственные нормы поведения государственных и муниципальных служащих, общественных и иных некоммерческих образований, представителей бизнес-сообщества и населения в их взаимоотношениях друг с другом и государственными органами. Понятно, что всех волнующих общественное мнение проблем в одном документе не учесть и не отразишь. Но основополагающие принципы и нормы поведения основных участников обще-

ственной жизни в РФ, как и нравственные основы их взаимоотношений во имя возрождения, сохранения и устойчивого развития российского общества всеми нами должны быть обсуждены и одобрены. Отдельные проблемы обустройства российского общества и формирования нравственной и духовной основы взаимоотношений власти, бизнеса и населения в разных сферах общественной жизни исследуются и оцениваются многими авторами как необходимое и важнейшее условие достижения общественного мира и согласия на проведение необходимых реформ и модернизационных трансформаций.

В.Л. Макаров предлагает формировать российское общество в формате «федерации равноправных социальных кластеров» или «сословий нового типа», используя в качестве основного экономического механизма проектную экономику. По мнению автора, такое общество позволит решить многие проблемы, стоящие перед каждым из жителей и всем обществом, оно устойчиво и эффективно, поскольку природа человека как высокоразумного существа именно в этом обществе может проявиться в полной мере. Более того, именно российский менталитет, по утверждению автора, в большей степени подготовлен к формированию общества социального кластеризма [40, с. 5-7].

Е.М. Примаков обосновывает необходимость использования новой модели развития российского общества не только для того, чтобы «слезть с сырьевой иглы, развить на инновационной основе промышленность, сельское хозяйство». Новая модель крайне необходима, чтобы «решительно выкорчевать пережитки 1990-х гг., которые проросли в сегодняшнюю Россию» [52, с. 1, 8-9]. Перечень подобных или близких к предлагаемым предложений в последнее время высказывает все большее число специалистов [23, с. 3-27; 36, с. 3-14].

В публикациях С.С. Губанова аргументированно раскрываются преимущества системной модернизации, новой индустриализации и реструктуризации экономики, и прежде всего ее ядра — промышленности, на основе последних достижений мировой и отечественной науки и техники. Развивая и обобщая идеи индустриализации в условиях глобализации, Д.С. Львов предостерегал об опасности чрезмерного увлечения либерально-рыночными идеями. «Защитить общество от плохих реформаторов — это одно, защитить от них саму идею реформы, не дать ее окончательно загубить — это другое, куда более важное и ответственное дело» [156, с. 9].

В монографии, изданной под общей редакцией академика РАН Н.Я. Петракова, дана системная оценка социально-гуманитарного потенциала модернизационных трансформаций российского общества, обоснованы приоритеты его развития на стратегическую перспективу и предложены меры по системному использованию новаторских, творческих и предпринимательских возможностей российского населения в интересах общественного развития [45]. Обоснована потребность в объективной оценке противоречий капиталистической рыночной системы.

Диалектика трансформационного обновления основного отношения капитализма

В современных условиях возрастает потребность в существенной активизации политико-экономических исследований производственных отношений как сердцевины всех общественных отношений в части их соответствия характеру и уровню развития производительных сил. Названное соответствие, характеризующееся как закон соответствия характера производственных отношений уровню развития производительных сил, в годы рыночных реформ слабо содействует общественному прогрессу, тем более устойчивому социально-экономическому развитию Российской Федерации. Причин этому много как со стороны производительных сил (повышение доли устаревших фондов, медленное их обновление, возрастающий дефицит квалифицированных кадров и др.), так и со стороны производственных отношений (несовершенство отношений собственности, слабая мотивация труда, коррупция и т. п.). Многие из этих причин достаточно системно рассмотрены в научных публикациях [23, с. 3-27; 16, 41 и др.].

Нас же в названном законе интересуют процессы трансформации производственных отношений под воздействием развития производительных сил общества. Мне могут возразить, что в российской экономике производительные силы совершенствуются и развиваются крайне медленно и преимущественно экстенсивно, а потому производственные отношения не столько трансформируются, сколько деградируют. В частности, Н. Елецкий справедливо отмечает усиление процессов деградации в производительных силах и в производственных отношениях. Выход России на «цивилизованный уровень, адекватный достижениям авангардных держав современного мира», он видит в решении «триединой задачи: во-пер-

вых, неоиндустриализации на основе вертикальной интеграции собственности и перехода к инновационному типу воспроизводства; во-вторых, искоренения (или как минимум существенного ограничения) коррупции; в-третьих, кардинальных изменений в составе социальной элиты» [27, с. 67].

Спорить с данным утверждением сложно, хотя бы потому, что рыночные реформы в России, начатые М.С. Горбачевым и продолженные Б.Н. Ельциным под «либерально-рыночный марш» МВФ, во многом повторяют крестьянскую реформу 1861 г., которая якобы стала «стартовой площадкой» для мощного развития капитализма в России. Хотя, по оценкам М.И. Воейкова, она, как и рыночная реформа 90-х гг. XX в., больше напоминает «игру в капитализм, нежели проявление его действительных отношений», и в равной степени укладывается в оценку В.П. Воронцова, сделанную им еще в 1882 г.: «Мы переняли с Запада все атрибуты и орудия капиталистического производства и меньше всего само производство» [12, с. 136].

При всем этом в современной российской экономике заметно оживление в развитии производительных сил, медленно, но пробиваются «ростки» новых производственных отношений [67, с. 26-45]. Между появлением «ростков» новых экономических отношений и их массовым использованием, по замечанию К. Хубиева, «существуют целые этапы развития. Тем не менее „ростки“ эти важно определить, оценить и сделать выводы, в том числе прогностического характера» [70, с. 62].

Основная политико-экономическая идея автора в обосновании положения, что «инновационная экономика, связанная с использованием новых технологий и высококвалифицированного труда, порождает новые отношения, содержащие в себе потенциал *преодоления наемной формы труда* (курсив наш — А. Т.). И хотя они затрагивают пока лишь верхний, инновационный слой экономики, однако существенно то, что изменения касаются области отношений, образующих фундаментальные основы всего социально-экономического устройства» [70, с. 62-63]. Аргументы автора опираются на два тезиса. Первый — усложнение отношений между «принципалом» (собственником) и «агентом» (наемным работником, носителем инновационной идеи или продукта) все чаще выходят за рамки положения наемных служащих, что побуждает принципала использовать новые и нетрадиционные формы взаимоотношений с агентами. Первоначально

использовался контроль за оппортунистическим поведением агента. Его сменила система бонусного поощрения агентов и другие формы материальной и карьерной мотивации.

Второй — в качестве действенной модели построения отношений «принципал — агент» предлагаются отношения партнерства, «когда добавленный доход, полученный от инновационной деятельности агента, делится в определенных пропорциях не между принципалом и агентом, а между партнерами. Количественное соотношение пропорций раздела дополнительного дохода будет являться результатом расчетов и переговоров между равноправными партнерами» [70, с. 66]. По мнению А. Мартынова, осуществляемые в разных странах процессы «внутрисистемной конвергенции заключаются в установлении долговременного уравнивания институтов (формальных и неформальных) саморегулирования и общественной регуляции» [42, с. 16].

Поисками форм и механизмов разрешения обостряющегося противоречия между трудом и капиталом, агентами и принципалами занимаются многие исследователи. В.Н. Белкин расширяет границы наемного труда до отношения между наемными работниками, собственником (предприятием) и государством по поводу реализации работником его трудового потенциала и распределения вновь созданной стоимости [24, с. 15, 55-56]. Каждый участник производственного процесса получает «причитающуюся ему долю созданного дохода: работник — заработную плату, собственник — прибыль, государство — налоги» [5, с. 56]. Эксплуатация в ее классическом понимании «растворяется» в законодательно отрегулированной процедуре распределения выручки от реализации созданного в производственном процессе товара.

Двадцатое столетие знаменовало собой заметное усиление регулирующей роли государства в общественном развитии, особенно в регулировании социальной сферы, отношений между трудом и капиталом, поддержании общественно-политического, экономического, экологического и социального баланса в обществе. Законодательно определены экологические и природоохранные стандарты, соблюдение которых стало нормой для населения, бизнеса, власти. Законодательно определены требования к условиям труда и его оплате во всех сферах общественной жизни. Если в 60-е гг. прошлого столетия гарантированная государством США часовая оплата труда не могла быть ниже 3,5 долл., то в настоящее время она повы-

шена до 8 и 12,5 долл. с дифференциацией по отраслям и видам деятельности.

Доведена до нормативных стандартов система контроля госорганов и профсоюзов за соблюдением условий труда и законодательства о его безопасности, законодательно гарантировано право работников на оплачиваемый отдых и компенсации при утрате (полной или частичной) трудоспособности. Существенно повышена роль профсоюзов в контроле за соблюдением условий труда, его оплаты, а также инициировании новых и обновлении действующих норм и правил взаимоотношений «власть — бизнес — работник». Заметно возрастает роль акционерных компаний в более гуманистическом регулировании отношений между трудом и капиталом [75; 35; 46, с. 38-57; 33; 21 и др.]. Принимаемые меры позволяют утверждать, что происходит дальнейшее ограничение системы эксплуатации наемного труда по двум направлениям. Первое связано с формированием «института доверительных отношений» между сторонами трудового и производственного процесса. По утверждению Ф. О'Хара, представители всех направлений политической экономики «многократно подчеркивали необходимость политики регулирования доходов для *увеличения доверия* (курсив наш — А. Т.) между социальными классами, смягчения конфликтов и повышения эффективности» [46, с. 56]. Использование института доверия в отношениях между трудом и капиталом ограничивает эксплуатацию и расширяет рамки партнерских отношений между трудом и капиталом. Уже не только «верхний слой» производственных отношений (инновационный, творческий труд, по К. Хубиеву) ограничивает сферу наемного труда в ее классическом понимании как условия повышения эксплуатации наемных работников. Высококвалифицированный труд все в большей степени основан на партнерских и доверительных отношениях. Подтверждением этому можно считать повышающуюся долю оплаты труда работников в ВВП стран с развитой рыночной системой. По имеющимся данным, доля заработной платы в ВВП стран Евросоюза составляет около 72,6%, США — 73, Японии — 74,8, Финляндии и Норвегии — около 80, в России — 46,2% [38, с. 99; 64, с. 48].

Второе направление — использование при заключении трудовых договоров с работниками в качестве обязательного условия ответственности работника за сохранность машин (оборудования, станков, агрегатов и других средств производства) и поддержание их в рабочем состоянии. Обычной стала практика

стимулирования работников за рост производительности труда, экономию ресурсов, рационализаторство и изобретательство, новаторскую инициативность и коллективную ответственность за результаты труда бригады или смены. Все это, как нам представляется, дает основания рассматривать зарождение новой для трудовых отношений формы — аренды работником или коллективом отдельных средств производства у собственника для выполнения взятых на себя обязательств. Понятно, что наемная форма труда сохраняется, но она трансформируется в более цивилизованную форму партнерства, основанную на аренде работником средства труда для выполнения принятых на себя обязательств. В этих условиях настаивать на сохранении эксплуатации наемного труда в его классическом Марксовом понимании становится крайне некорректным.

К слову, если строго научно следовать логике рассуждений К. Маркса и использовать ее к современным условиям «найма», то можно в порядке обсуждения предложить современную рыночную версию отношения труда и капитала. Собственник капитала и собственник рабочей силы как два равноправных рыночных агента совершают обычный товарный обмен: один — собственник ресурсов — передает их (в аренду или временное пользование) другому — собственнику рабочей силы для осуществления трудовой деятельности и создания новой стоимости. Собственник капитала ограничен в возможностях «навязывать» работнику выгодные только ему условия «обмена» действующим законодательством и коллективным договором.

Работник принимает ресурсы (рабочее место) и «передает» свою способность производить новую стоимость собственнику капитала с тем, чтобы на основе возникающей кооперации создать новую стоимость, которая в обусловленных трудовым договором пропорциях распределяется между работником и собственником капитала. Понятно, что подобный обмен не всегда и не во всем пропорционален и справедлив. Подтверждение тому — постоянные конфликты между трудом и капиталом. Хотя подобные конфликты возникают и между продавцами и покупателями товаров, услуг и выполненных работ. В процессе обсуждения предлагаемой формы обмена хотелось бы выделить два обстоятельства. Первое — по оценкам специалистов, лишь 5% трудоспособного населения способны осуществлять предпринимательскую деятельность успешно. Остальные обречены на поиски работы в госорганах и частных компаниях. Второе — наемный труд, про-

дажу рабочей силы еще Аристотель рассматривал как общественно недобродетельную форму трудовой деятельности, требующую общественного регулирования. Именно он развил учение древнегреческого поэта-лирика Гесиода, афинского комедиографа Аристофана и автора трактата «Экономика» Ксенофонта о предпринимательских способностях человека как высшем проявлении общественной добродетельности, которые присущи далеко не большинству населения. Позитивную предпринимательскую деятельность Аристотель называл экономикой, противопоставляя ее хрематистике, деятельности по бесконечному наращиванию богатства. К хрематистике Аристотель относил торговлю, ростовщичество и продажу собственной рабочей силы [50, с. 89]. Все сказанное требует сохранения государственного контроля за сферой труда и справедливого распределения создаваемой стоимости между участниками производственного процесса.

Заметно возрастает надзорно-регулирующее внимание государства и профсоюзов к процессам разработки законодательных актов по регулированию трудовых отношений, обсуждению коллективных договоров. Значительно строже контролируется выполнение индивидуальных трудовых договоров, особенно в ресурсодефицитных отраслях. Все это — свидетельство трансформационных изменений в основном производственном отношении капиталистической стадии хозяйствования. Изменения, которые обусловлены усложнением самой природы капитала и его возможностей обеспечивать собственнику определенный доход. Лишь на определенной стадии развития капитализма сформировалось понимание двойственной природы самого капитала: капитала как собственности и капитала как функции. Двойственная его природа становится объективной основой деления дохода владельца капитала на две относительно самостоятельные части: процент на капитал-собственность и предпринимательский доход на капитал-функцию.

Логика подобного рассуждения следующая: собственник капитала может положить свой капитал в банк и получать на него банковский процент. Либо кредитовать торговца, фермера, промышленника и так же получать соответствующий процент за пользование кредитом. Собственник капитала может приобрести акции или облигации, вложить его в ценные бумаги. При любом варианте он как собственник может претендовать на определенный доход от пользователя потребительной стоимостью его

собственности — капитала. Непосредственной эксплуатации труда капиталом как собственностью не происходит, а если и происходит, то лишь солидарно и опосредованно, установлением не соответствующей трудовым вкладам участников пропорции распределения созданной в процессе производства вновь созданной стоимости. Применительно к формированию и развитию национального и глобального рынков, роль «капитала-собственности» рассмотрена Л.П. Евстигнеевой и Р.Н. Евстигнеевым [26, с. 15-17].

Совершенно иная рыночная логика у капитала как функции. Ее реализует, как правило, организатор производства, получая за это предпринимательский доход. В этом случае предприниматель становится составной частью совокупного работника предприятия (фирмы, компании) и участвует, наряду с другими работниками, в производстве стоимости и добавленной (прибавочной) стоимости. Он организует совместный труд, обеспечивает техническое и технологическое перевооружение производства в соответствии с требованиями рыночной конъюнктуры, мониторит состояние регионального, национального и мирового рынков в интересах увеличения дохода, распределяемого между участниками трудового процесса — совокупными работниками. Пропорции распределения могут быть разными и зависят от согласованности между участниками производственного процесса, уровня политической, правовой и организационной защиты их интересов.

Показательно предложение российского олигарха М. Прохорова по совершенствованию Трудового кодекса РФ в части увеличения рабочей недели до 60 часов под благовидным предлогом дать возможность рабочим больше зарабатывать. Утверждать, что это предложение не имело и не имеет своих сторонников в Союзе промышленников и предпринимателей России, где обсуждались поправки в Трудовой кодекс, значит, ничего не сказать и превратить предложения «в непонятую массаами заботу о рядовом рабочем». Есть три причины рассматривать этот случай как закономерный и отражающий настроение большей части нашей российской бизнес-элиты. Первая — со стороны членов РСПП не последовало осуждения высказанного их коллегой публичного предложения. И если бы не настойчивое протестное выступление профсоюзного сообщества и населения, то это предложение могло быть узаконено. Вторая — буквально за высказанным предложением господин Прохоров был избран лидером партии

«Правое дело». Правда, недолго ее возглавлял, но достаточно активно участвует в партийном развитии российского общества, что следует рассматривать как определенную поддержку отдельными группами населения его политико-экономической ориентации. Третья — участие господина Прохорова в выборах Президента РФ также продемонстрировало возрастающую поддержку и самого Прохорова как бизнесмена, и его политико-экономических представлений о путях и моделях дальнейшего развития российского общества [55, с. 14-19].

Предпринимательская деятельность — высокорисковая сфера человеческой деятельности. Владелец капитала, используя его в производственной сфере, ставит перед собой задачу получить доход на него больше, чем при вложении в банк или при покупке акций. Используя свой опыт, знания, предпринимательские навыки, инициативность и предприимчивость, он может получить достаточно высокий предпринимательский доход и приумножить свое состояние. Если же владелец капитала названными выше качествами не обладает, его участь — стать наемным работником и довольствоваться заработной платой. При благоприятном ведении бизнеса владелец капитала получает достаточно высокий предпринимательский доход, источником которого становится умноженный труд совокупного работника предприятия. Источником предпринимательского дохода является не прибавочная стоимость, и тем более не прибыль, а именно умноженный (или возведенный в степень) более производительный труд совокупного работника. По своей внутренней, сущностной природе и организационно-правовым формам этот труд не может рассматриваться как эксплуататорский труд, как труд, основанный на присвоении неоплаченной части труда наемного работника. По мнению А.Д. Зарецкого, «технология и наука стали ведущей производительной силой, что *подорвало основы трудовой теории К. Маркса*, рассматривающего рабочую силу непосредственных производителей единственным источником прибавочной стоимости» [28, с. 66] (курсив наш — А. Т.). П. Савченко и М. Федорова, исследуя проблему монополии рабочего места, считают, что возможно, во-первых, «использовать рабочее место... в своих интересах, получать легитимные и нелегитимные доходы, в том числе и рентные» [59, с. 169], а во-вторых, возникают «новые формы социально-трудовых отношений, включающих партнерство, совладение и распределение рентных доходов» [59, с. 172].

В российской школе экономической мысли всегда выделялись [1, с. 10-11] четыре источника стоимости любого товара: труд рабочего, земельная рента, процент на капитал и предпринимательский доход. Особенностью современной России стало соединение в одном лице собственника капитала и предпринимателя. Именно этим объясняется, на наш взгляд, рекордное число сверхбогачей в среде российского населения. Собственник капитала имеет возможность устанавливать себе как предпринимателю или как руководителю совета директоров сверхвысокие оклады. К этому шагу его мотивирует и крайне неравнозначное налогообложение прибыли и заработной платы, и весьма терпимое отношение власти и профсоюзов к подобным формам перераспределения добавленной стоимости. Наконец, к этому его мотивирует и крайне неорганизованное и робкое отстаивание наемными работниками своего права на достойную долю во вновь созданной стоимости.

Статус и границы политической экономии рыночной системы хозяйствования

Отмеченные выше трансформационные изменения в производственных отношениях капиталистической системы хозяйствования свидетельствуют лишь о первых симптомах зарождения и становления принципиально новых социально-экономических отношений, историческая миссия которых видится в созидательном разрушении капиталистической системы эксплуатации наемного труда капиталом и присвоения прибавочной стоимости владельцами капитала. И, как утверждали классики, на обломках разрушающейся системы эксплуатации уже начали прорастать и формироваться ростки новой системы трудовых и социально-экономических отношений. Отношений, основанных на возрастающей потребности всех его участников в доверительном взаимовыгодном партнерстве во имя достижения коллективно-индивидуальных целей. В поучительном экскурсе в дискуссии 1920-х гг. М.И. Воейков цитирует известного в те годы экономиста-теоретика Исаака Ильича Рубина, работы которого весьма полезны при обсуждении перспектив развития политической экономии в нашей стране, хотя и были объектом дискуссий. В частности, именно И.И. Рубин ограничивал существование политической экономии как науки лишь товарным хозяйством. «Я прямо утверждаю, — писал он, — что все экономические явления, изучаемые нашей наукой, связаны именно с данной, капи-

талистической системой хозяйства и при другой системе хозяйства не могут иметь места» (цит. по [13, с. 20]).

Позицию И.И. Рубина разделяли многие представители политической экономии, считая, что с «ликвидацией» капитализма с его системой эксплуатации неизбежно отомрут и товарно-денежные отношения. Реальность мирового развития оказалась более «снисходительной» к судьбе последних в рыночной системе хозяйствования в целом, чем к капиталистическому способу эксплуатации наемного труда. Китайская, к примеру, модель рыночного развития основана на конвергенции плановых и рыночных методов хозяйствования, на государственном уровне ограничивая и регулируя отношения между наемным трудом и капиталом [8, с. 47-63].

Дискуссионным и активно обсуждаемым остается вопрос о предмете политической экономии и ее праве на существование за пределами капиталистического способа производства. Первоначально считалось, что политическая экономия изучает государственные (публичные) методы ведения хозяйственной деятельности. После публикации работы А. Смита [60] предмет политико-экономической науки определился более конкретно: она изучает природу и процесс увеличения богатства народов, всю социально-экономическую систему. В процессе неизбежной дифференциации экономических наук сужался и ограничивался предмет политической экономии: до товарного производства, его высшей, капиталистической стадии и более конкретно — системы эксплуатации наемного труда. Одним из результатов трансформационного сужения предмета политической экономии стала замена учебного курса политической экономии на изучение экономикс в постсоветский период рыночных преобразований.

В некоторых работах ставится вопрос о целесообразности сохранения политико-экономической науки как самостоятельной отрасли научного знания и учебной дисциплины. Предлагается отказаться от нее по причине «способности рынка к саморегулированию» и утраты «политического характера экономических исследований», либо использовать в научных исследованиях и учебном процессе исключительно как раздел экономики (или экономикс) [44, с. 42, 43, 44-46; 37, с. 19; 3, с. 11 и др.].

Подобные предложения о пересмотре «статуса политической экономии» как теоретико-методологической основы для всех других экономических наук, конечно, формируются

не на пустом месте. Есть, на наш взгляд, две причины повторяющихся нападков на политическую экономию. Первая основана на состоянии «современной западной экономической мысли, где „мейнстрим“ занимает столь доминирующую позицию, что направления, следующие традициям классической политической экономии, малозаметны и их называют „ортодоксальной“ или „радикальной“ политической экономией, но они, тем не менее, живут и развиваются» [44, с. 45]. А поскольку догонять и подражать россияне всегда были склонны, то в данном случае не обошлось без «заимствований», которые используются далеко не всегда в интересах общественного прогресса. Вторая — близка первой, но основанная на учении об исторической ограниченности капиталистической стадии развития рыночной системы хозяйствования. Отправной точкой подобного учения, как нам представляется, стало ошибочное толкование утверждения К. Маркса об «исторической ограниченности» закона прибавочной стоимости. Главной заслугой К. Маркса было и остается доказательство не самого факта эксплуатации. Оно было отмечено и до публикации «Капитала» экономистами, на которых К. Маркс ссылается [41, с. 228-229, 240, 590-591, 597].

Гениальность и прозорливость К. Маркса видится в открытии и обосновании закона прибавочной стоимости не как такового, а как «экономического закона движения и развития исключительно буржуазного общества». Из этого тезиса неизбежно следовало утверждение об исторической ограниченности капиталистического способа производства и капиталистической стадии рыночной системы хозяйствования как «носителей» отношений эксплуатации и их замене более цивилизованными системами.

Уместной считаем ссылку на авторитетного экономиста, которого трудно обвинить в субъективной оценке капиталистического способа производства. В работе «Капитализм, социализм и демократия» Й. Шумпетер критикует Альфреда Маршалла и Леона Вальраса за необоснованные утверждения о том, что «в условиях совершенной конкуренции стремление производителя к прибыли ведет к максимизации производства...», «что конкурентная экономика приводит к максимальному удовлетворению потребностей» [74, с. 455].

По этому поводу Й. Шумпетер замечает, что «делание денег обязательно отвлекает производство от общественных целей, а прибыль частных лиц... представляет собой *чистый убы-*

ток для всех, кроме ее получателей (курсив наш — А. Т.), и поэтому составит чистый выигрыш при социализме» [74, с. 454]. Приведенные утверждения подтверждают историческую ограниченность капиталистического способа производства, но в модели последующего развития мнения различались. К. Маркс, В.И. Ленин, Н.И. Бухарин, Р. Люксембург, И.И. Рубин, Й. Шумпетер считали, что с устранением капиталистической системы хозяйствования неизбежно исчезнут и товарно-денежные отношения, а значит, отпадет необходимость в политико-экономических исследованиях. Наиболее последовательно эту мысль обосновывал М.И. Туган-Барановский: «Есть полное основание признавать судьбу политической экономии, как своеобразной науки о причинно-функциональных соотношениях хозяйственных явлений, тесно связанной с современным народным хозяйством. Вместе с ним она возникла и развилась и вместе с ним должна сойти со сцены. В социалистическом строе для этой науки места не будет, хотя именно в этом строе практические знания, относящиеся к области экономической политики, и все необходимые для этого вспомогательные научные дисциплины, например, статистика, должны получить чрезвычайное развитие. Политическая же экономия частью превратится в теорию экономической политики, а частью войдет в состав более общей науки об обществе — социологии» [68, с. 20].

Развивал представление о социализме как нетоварной системе и А.А. Богданов, предсказывающий превращение экономики социализма в единую фабрику. По его мнению, «новое общество основано не на меновом, а на натуральном хозяйстве. Между производством и потреблением продуктов не стоит рынок, покупка и продажа, — но только сознательно и планомерно организованное распределение» [7, с. 328]. Вместе с тем он активно поддерживал в дискуссии 1925 г. И.И. Скворцова-Степанова, выступающего с критикой ограничительной трактовки предмета политической экономии, утверждая, что «немыслимо достичь в экономике порядка и стройности, пока общественное сознание, окованное пережитками прошлого, движется в несовместимо противоречивых соотношениях» [17, с. 112].

Можно лишь поражаться прозорливости авторов в отношении политической экономии, с которой история сыграла злую шутку: сохранив существовавшую с начала XX в. капиталистическую рыночную систему, она нейтрализовала политико-экономические исследования

существенных отношений рыночного хозяйствования: товар с его свойствами, труд с его двойственной природой, деньги с их функциями и способностью выступать в качестве капитала, капитал как самовозрастающая стоимость и некоторые другие перестали исследоваться и преподаваться и, по существу, заменены маркетологией.

Другая группа исследователей (А. Маршалл, Дж. Кейнс, Ф.А. Хайек и др.) исходила из возможности внутрисистемной трансформации отношений между трудом и капиталом с учетом интересов обеих сторон. В работе «Основы экономической науки» А. Маршалл утверждал, что «права собственности вовсе не были предметом поклонения для великих мыслителей, которые создали экономическую науку, но авторитет этой науки незаконно присвоили себе те, кто возводит укоренившиеся права собственности в крайнюю степень и использует их в антиобщественных целях... Строгое экономическое исследование должно основывать права частной собственности не на некоем абстрактном принципе, а на том факте, что в прошлом они были неотделимы от неуклонного прогресса» [43, с. 106]. В своих выступлениях и публикациях А. Маршалл высказывал сочувствие социальным идеям, но «его глубокое сочувствие социалистическим идеям, — по оценке его ученика Дж. Кейнса, — «совмещалось... со старомодной (курсив наш — А. Т.) верой в могущество сил конкуренции» (цит. по [39, с. 105]).

Хорошо известна позиция В.И. Ленина относительно исторических судеб капитализма и товарно-денежных отношений [36, с. 221-229; 35, с. 155-175]. Его убежденность, что устранение частной собственности и эксплуатации наемного труда неизбежно завершит «эру господства рынка и товарно-денежных отношений». Известна и его оценка сложности и продолжительности перехода от капиталистического рыночного к социалистическому планоному хозяйству. После непродолжительного эксперимента с «военным коммунизмом», в 1921 г. было принято решение о переходе к новой экономической политике, которая ознаменовала собой появление «рыночных зон и сфер деятельности», основанных на частной собственности и эксплуатации наемного труда, но под жестким контролем государства и профсоюзных объединений трудящихся. И хотя впоследствии эта политика неоднократно (особенно после смерти В.И. Ленина) пересматривалась и ограничивалась, элементы рыночного хозяйствования и товарно-денежных отноше-

ний как института централизованного плана развития народного хозяйства СССР, поддержания сектора частного потребления и стимулирования коллективного труда не только сохранились, но и совершенствовались (отмена, к примеру, драконовских натуральных и денежных налогов с владельцев личного подсобного хозяйства Г.М. Маленковым в 1953 г. и разрешение продавать излишки продуктов на рынке; реформа экономики, инициированная А.Н. Косыгиным, направленная на повышение роли рыночных методов хозяйствования; попытка рыночного реформирования в 1979 г.; развитие кооперативного движения после 1985 г. и другие).

Примеры «шведского социализма», социально ориентированных обществ в Германии, Норвегии, Финляндии, Швейцарии и других странах позволяют положительно оценивать усилия этих государств по трансформации основного противоречия капиталистического производства в направлении его гуманизации созданием условий для партнерских (договорных и взаимовыгодных) отношений между трудом и капиталом. Это отнюдь не означает отмены самого факта эксплуатации и зависимости труда от капитала. До тех пор, пока существуют рыночные отношения и товарно-денежные формы связей между рыночными агентами, существовали и будут существовать различные модели эксплуатации. При господстве купеческого и ростовщического капиталов формой эксплуатации являлся неэквивалентный обмен, отдельные проявления которого сохранились в отношениях развитых стран с развивающимися. При совершенной конкуренции господствующей формой эксплуатации становится присвоение владельцем капитала неоплаченного труда наемного работника — прибавочной стоимости. Господство государственно-капиталистического капитала основано на присвоении не только прибавочного, но и части необходимого труда наемных работников, доходов мелких и средних предпринимателей и рядовых покупателей.

Выдвижение на лидирующие позиции финансового капитала и его наиболее «агрессивной» части — спекулятивного капитала, внесло в систему эксплуатации новые формы и методы эксплуатации и экономической (и прежде всего — финансовой) зависимости населения и целых стран от стремления владельцев финансового капитала монополизировать и присваивать создаваемую в мировом сообществе стоимость, и не только прибавочную. Финансовая сфера, по мнению Л.Е. Гринина, «превратилась

из сектора, обслуживающего экономику, в сектор, задающий главный вектор ее развития, и именно здесь создается огромная доля добавленной стоимости» [22, с. 325]. Вряд ли можно согласиться с автором насчет создания в финансовом секторе «огромной доли добавленной стоимости». А вот факт, что через него распределяется и присваивается большая часть созданной в обществе стоимости, споров не вызывает.

Последний мировой финансовый кризис подтвердил агрессивные намерения владельцев финансового (спекулятивного) капитала не останавливаться на достигнутом. «Вообразите страну, — восклицает Роберт Райх, бывший министр труда в администрации Клинтона, — в которой самые богатые получают все экономические плоды. Они фактически аккумулируют столь много национального дохода и богатства, что средний класс теряет покупательную способность, чтобы поддерживать высокие темпы развития экономики. У большинства представителей среднего класса заработная плата сократилась, и их главный актив — жилища — стремительно утратил свою стоимость» (цит. по [20, с. 6]).

В унисон приведенному высказыванию звучат слова Гжегожа В. Колодко, профессора, директора Центра трансформации, интеграции и глобализации экономических исследований (TIGER) при Университете Леона Козминьского (г. Варшава), который считает финансовый кризис 2007–2009 гг. системным кризисом: «Это структурный и институциональный кризис современного капитализма, который на протяжении жизни последнего поколения оказался подверженным заблуждениям неолиберализма. Последний же, очевидно, стимулирует малопродуктивный в долгосрочном плане *капитализм спекулянтов в ущерб капитализму предпринимателей* (курсив наш — А. Т.). В то же время лишь второй — хотя и не обязательно — может иметь хорошее будущее». По его оценкам, необходима «огромная интеллектуальная и политическая, исследовательская и организационная, популяризаторская и образовательная работа. А именно: перестройка системы ценностей, воздействующая на общественные процессы хозяйствования; изменение многих институтов, от которых зависит функционирование экономики; переориентация способов проведения экономической политики. И все это теперь должно произойти в планетарном масштабе, поскольку подход с позиций национальной экономики недостаточен» [32, с. 38].

Большинство исследователей современной рыночной системы в той или иной степени отмечают происходящие в ней трансформационные изменения, обусловленные развитием производительных сил и совершенствованием социально-экономических отношений. Подобные изменения затрагивают весь спектр социально-экономических отношений, в том числе между трудом и капиталом. Трансформационные изменения именно этих отношений и политико-экономическая оценка возможных обновлений рыночной модели общественного развития становится главной задачей научного исследования.

Безусловно, есть и другие свидетельства происходящих в национальных и глобализируемой мировой рыночных системах трансформационных изменений, позволяющие утверждать, что рыночная система времен А. Смита, Д. Рикардо, К. Маркса, А. Маршалла — это уже не тот рынок и не та рыночная система. Развитие под давлением возрастающих потребностей населения, рыночных агентов и роста государственного спроса вызвало бурный рост производства. Сформировались новые формы производственных отношений, получивших свое закрепление в правовых нормах и (или) коллективных договорах, которые не укладываются в традиционные рамки капиталистического способа производства. «Современную эпоху, — справедливо утверждает С. Дятлов, — можно назвать эпохой постепенной трансформации и перехода общества от традиционной индустриально-рыночной системы к новой высокоорганизованной системе хозяйствования, основой которой является инновационный способ производства новых научных знаний, наукоемких продуктов и услуг. Этот переход носит всеобщий характер и затрагивает основополагающие принципы системной организации хозяйства большинства стран мира. Он характеризуется тем, что эпоха стихийного исторического развития человеческого общества закончилась и наступила эпоха его программируемого, целенаправленного развития» [25, с. 75-76].

Продолжающиеся попытки рассматривать современную рыночную систему как систему капиталистическую по форме и эксплуатационную по существу, если и не стали, то уж точно становятся в большей своей части историческим фактом. Фактом объективным и важным в теоретико-методологическом, практическом, и общественно-политическом плане. Именно XX в., особенно после Второй мировой войны, внес в капиталистическую систему эксплуата-

ции столь принципиальные трансформационные изменения, которые позволяют говорить, наряду с эксплуатацией, о принципиально новых формах обогащения. К. Маркс уже на начальных этапах формирования капиталистической рыночной системы описал процессы выделения и обособления от промышленного капитала торгового и ссудного капиталов, доходы которых основывались на стихийном распределении и перераспределении созданной в производстве прибавочной стоимости. На распределении созданной в сельском хозяйстве добавленной стоимости формировались отношения между собственником земли, арендатором и наемными работниками.

Капиталистическая рыночная система теоретически и практически утвердила примат производства в общественном развитии и потенциальном источнике богатства народов. Но она же привела в соответствие с потребностями развития систему распределения и перераспределения созданной в обществе добавленной стоимости между владельцем капитала, наемными работниками и государством. Распределение превратилось в основной источник углубляющегося неравенства, концентрации богатства у части населения, усиливая антагонизм между социальными группами. Распределение оттеснило на вторые роли и производство, которое стало размещаться по преимуществу в развивающихся странах, особенно ресурсоемкое и экологически вредное. Закономерно углубление социального неравенства в обществах исключительно из-за несовершенства системы распределения и ограниченного его регулирования государством. Стивен Вайтфилд, Метью Лавлес и Кьяры Бинелли рассматривают социальное неравенство как результат «несовершенного распределения», как «комплекс преимуществ и недостатков (пользы и вреда) в сферах распределения и перераспределения» [62, с. 8, 15-32].

Своеобразную позицию на роль распределения в России высказывает Г. Павловский. По его оценкам, российское общество представляет собой монополизированный государственный аппарат, формой существования которого является распределение национального достояния между субъектами, обладающими разным статусом, исключительно посредством административного торга. Федеральный центр покупает лояльность губернаторов и глав муниципалитетов посредством распределения и перераспределения налоговых доходов и инвестиций, разрешения на контроль над вверенными территориями. Подобным образом поку-

пается лояльность бизнеса, силовых структур и «преданных» власти коллективов. По мнению Г. Павловского, российский обыватель «бежит с бесполезного рынка, а власть платит ему задержанные зарплаты или пенсии... За труд здесь не платят. Платят за отказ собственника от всех титулов собственности. Это общество бюджетных крепостных, у которых, правда, есть право уйти восвояси, в никуда, в Канаду» [48, с. 33].

Сказанное позволяет рассматривать распределение стоимости и особенно добавленной стоимости между участниками рыночных отношений в качестве основного инструмента присвоения доходов и эксплуатации населения использованием институтов государства. Наконец, именно распределение расширяет границы политической экономии, «выводя ее, — по справедливому утверждению К. Колин, — за границы капиталистического товарного производства» [33, с. 102].

Объект и предмет политической экономии рыночных систем

Трансформационные изменения рыночной системы хозяйствования и основного отношения капитализма потребовали уточнения объекта и предмета политической экономии. Это важно и потому, что обсуждаются разные их варианты.

Объектом изучения должна стать рыночная система хозяйствования (национального и глобализируемого мирового), экономические законы и закономерности ее формирования, функционирования и развития на страновом и мировом уровнях.

Предметом политико-экономического исследования предлагается рассматривать систему общественных социально-экономических отношений по поводу производства, обмена и потребления товаров, а также распределения вновь созданной стоимости между рыночными субъектами (агентами), в разных формах участвующих в производственном процессе. Одни — как собственники средств производства (ресурсов); другие — как собственники рабочей (новаторской, компетентной) силы; Третий агент — государство — как носитель и гарант поддержания социальной стабильности в обществе выполнением исключительно властных функций по устойчивому и сбалансированному развитию экономики, созданием рабочих мест и условий для развития бизнеса, поддержания цивилизованных отношений между трудом и капиталом и др. Каждый участвующий в производственном процессе может претендовать на долю созданной стоимости:

бизнес — на среднюю прибыль; работник — за работную плату; государство — на налоги.

Пропорции распределения созданной стоимости могут иметь различия временного, отраслевого, и иного характера. На их динамику и размеры влияют общественно-политическая и социально-экономическая обстановка в обществе, накал социальных противоречий, авторитет органов власти и их способность находить компромиссные решения.

Отличительной характеристикой современного этапа развития стала глобализация мировой экономики и всей общественной жизни. Она втянула в свою орбиту все страны мирового сообщества и большинство сфер и видов деятельности. Чтобы разобраться в трансформируемых процессах и осознать зарождающиеся ростки новых отношений и институтов, необходимы четкие межстрановые сопоставления, важные как для политико-экономического анализа, так и для принятия практических решений.

Потребность в оценке этих процессов активизировала поиск показателя для сравнения стран по уровню их социально-экономического развития. Первоначально использовался показатель объема валового внутреннего продукта по его покупательной стоимости. Несмотря на критику и очевидные недостатки, ВВП широко используется международными и отечественными исследователями для сравнительных оценок и принятия управленческих решений. В последующем для его конкретизации и оценки не только экономических возможностей государства, жизнеспособности общества (именно для этого и используется общий объем ВВП), но и качества жизни населения страны стал использоваться показатель производства ВВП на душу проживающего в стране населения. Именно он рассматривается в качестве универсального и объективного критерия оценки эффективности проводимой социально-экономической политики, хотя и критикуется некоторыми исследователями.

Л.И. Абалкин, к примеру, считает: «Долг и призвание российской политико-экономической мысли в том, чтобы разработать систему оценки качества жизни, добиться ее включения в показатели, позволяющие гражданам следить за своим будущим, за судьбой наших детей и внуков» [2, с. 48]. В.Л. Макаров предлагает конкретизировать действующий показатель качества жизни населения индексом счастья, который «оказывается более высоким не в самых развитых странах» [40, с. 171]. Подобной позиции придерживается В.С. Бочко и неко-

торые другие авторы [9, с. 7-17]. В.Н. Черковец предлагает исследовать и оценивать динамику разных частей национального продукта, «дабы убедиться, что имеет место (или, наоборот, не обеспечен) искомый... устойчивый и высококачественный народнохозяйственный рост, сопрягаемый с подъемом благосостояния населения» [71, с. 69]. Обсуждаются и другие варианты более системного исследования показателя качества жизни населения с тем, чтобы обеспечить на стратегическую перспективу «устойчивый и высококачественный рост» не только народнохозяйственных показателей, но и благосостояния и улучшения качества жизни населения [43, с. 192; 65, с. 112-143; 15, с. 43-51].

В ходе подготовки Стратегии России — 2020 участники круглого стола в Центре проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования попытались системно проанализировать новую модель экономического роста России. По мнению участников, а среди них известные экономисты и политологи (акад. РАН В.Л. Макаров и С.Ю. Глазьев, член-корр. РАН Г.Б. Клейнер, доктора наук А.Ю. Шевяков, А.Е. Варшавский, С.С. Сулакшин, В.Н. Лексин и др.), целесообразно формировать новую модель развития в соответствии с критерием жизнеспособности страны и общества в целом. По утверждению С.С. Сулакшина, методологический подход, разработанный сотрудниками Центра, «позволяет с высокой достоверностью выявить закономерности исторического развития, в том числе определить эффективность экономических моделей через их корреляцию с жизнеспособностью страны» [64, с. 29].

Приведенные в основном докладе сравнительные данные действующей модели с оптимальными критериями успешности развития РФ позволяют говорить о серьезных изъянах существующей в России модели жизни российского населения: доля оплаты труда в ВВП при оптимальном критерии 64% составляет менее 45%; доля инвестиций в ВВП 60 и 17%; расходы бюджета на экологию — 3,45 и 0,09%; на образование — 7,9 и 4,4%; культуру — 11,7 и 0,67%; здравоохранение — 12 и 3,8%; доля бюджета на науку — 8,9 и 5,6%.

Удивление вызывает доля бюджета на социальную политику. При оптимальном критерии, равном 3,0%, его фактическое значение в действующей модели составляет 27,8%! Сложно понять, что скрыто за этими цифрами: продолжающаяся политика выравнивания или наиболее безопасная статья для списания ущерба от непрофессиональных и (или) коррупционных решений органов власти и представителей круп-

ного бизнеса? Факты по Саяно-Шушенской ГЭС, Богословскому комбинату, АвтоВАЗу, г. Пикалево Ленинградской области, системной коррупции в Министерстве обороны РФ, подготовке Олимпиады и другие дают повод для серьезных размышлений.

Интерес представляют и другие показатели, способные влиять на качество жизни населения. Последнее напрямую зависит от соотношения платных мест и бюджетных в образовательных учреждениях: при оптимальном критерии успешности, равном 20%, фактически он составляет 163%. Предельное превышение величины максимальной ставки подоходного налога к минимальной в прогрессивной шкале должно составлять 7 раз, а в российской модели оно равно единице! Пенсионный коэффициент замещения при оптимальном значении 60% составляет 30%.

Сложно исключительно положительно оценивать решения государственных органов по монетизации экономики, доле госрасходов в ВВП, доле госсобственности в экономике. При оптимальном критерии успешности, равном 100–280%, коэффициент монетизации российской экономики равен 35%. Доля госрасходов в ВВП — 65 и 34%; доля государственной собственности — 60 и 24% [64, с. 47-49].

Столь пространственный экскурс в проблемы качества жизни как результата успешности общественного развития необходим, чтобы показать постоянную трансформацию потребностей населения к содержанию самого понятия «качество жизни». Если на первых стадиях рыночных отношений в качестве такового рассматривалась занятость населения и минимальные его доходы, то на последующих государство вынуждено устанавливать и контролировать минимально допустимый уровень часовой оплаты труда и размер заработной платы работников, который в России в 10 и более раз меньше европейского: 100 евро по РФ и 800-1600 — в европейских странах. Понятно, что налоговое, ценовое и другие рыночные формы перераспределения способны и этот уровень дохода свести к минимуму. Чтобы не допустить этого и поддерживать социальное и политическое равновесие в обществе, именно государство призвано регулировать фискальные каналы перераспределения доходов разных групп населения. Но именно этим российская власть занимается крайне формально.

О несовершенстве механизмов перераспределения сверхдоходов наиболее богатых слоев населения говорят и пишут многие. Лишь два социальных института поддерживают дейс-

твующие в России механизмы распределения доходов в пользу наиболее богатых слоев: российская власть с возрастающим числом чиновничества и представители крупного бизнеса [64, с. 54-58] (см. также [66, с. 13-24; 63, с. 34-94]). По оценкам, приведенным в газете «Комсомольская правда», общее число чиновников в РФ увеличилось с 1995 по 2010 г. с 1 061 800 чел. в 1995 г. до 1 млн 465 тыс. в 2005 г. и 1 093 200 чел. в 2010 г. Число федеральных чиновников за этот период составило: 416 200 в 1995 г., 404 700 в 2000 г., 464 500 в 2005 г. и 779 500 чел. в 2010 г. [47, с. 9].

Не менее показательны и возрастающие различия в доходах и их концентрация в руках ограниченного числа россиян. По оценкам М. Делягина, когда учителя в отдельных регионах не получают и 5 тыс. руб. в месяц, 200 тыс. российских семей имеют годовой доход более 1 млн долл. Сегодня в России 1% богатого населения (без чиновников) владеют 71% личных активов (с чиновниками эта цифра может составить и 90%). В Африке, находящейся на грани социальной катастрофы, таковых 44%, в США — 37%, в Китае и Европе — 32%, Японии — 17% [24, с. 5].

Коррупционеры от власти и олигархи от бизнеса превратили Россию в свой оффшор: чем выше доход, тем меньше платежи с него. Россия и ее богатство достались им почти даром и эксплуатировать ее на убой выгоднее, чем развивать. Как великовозрастные бездельники грабят стариков-родителей, пропивая их скудные пенсии и сбережения, так и эти «предприниматели-бизнесмены» шантажируют государство: не поможете — остановится производство, люди останутся без работы, народ выйдет на улицы... В кризисные 2008–2009 гг. этот шантаж использовали банки, сейчас представители промышленности — Газпром, Уралвагонзавод, Росникель. Не случайно Л. Бальцеревич, архитектор польских рыночных реформ, рекомендует российскому руководству «разделить бизнес и власть» в интересах общественного развития [4, с. 77-82].

За годы реформ стране не удалось решить многие из первоочередных проблем консолидации власти и общества, устойчивого общественного развития, серьезного повышения качества жизни населения [63, с. 18-25, 56-63 и др.].

Поскольку на динамику качества жизни влияет множество обстоятельств, логично не ограничивать его оценку лишь тремя показателями: размер ВВП на душу проживающего в стране населения, продолжительность жизни

и уровень образованности населения. Есть серьезные основания обсудить на страницах научных журналов возможность использовать для оценки качества жизни и другие показатели, способные сигнализировать об опасных последствиях развития некоторых социально значимых процессов. Применительно к России этими процессами становятся возрастающий разрыв в заработной плате и доходах разных групп населения, который, по разным оценкам, варьируется в диапазоне 12–16 и более раз, а доля бедного населения превышает 30 процентов [14, с. 57].

Есть необходимость обсудить проблему уменьшающейся доли заработной платы в ВВП (около 43–45% по разным оценкам), которая не только не сопоставима с долей передовых стран (от 65 до 80%), но и не отражает реального соотношения заработной платы менеджеров (от 50 до 200 тыс. руб. и более) и рядовых наемных работников разных отраслей и видов деятельности (от 11 до 50 тыс. руб. в месяц). На порядок, а то и больше, различается оплата труда чиновников и рядовых работников бюджетной сферы.

Экономика тем и отличается от политики, что она более склонна к компромиссам, постоянно ищет и находит их через систему трансакций. И такой трансакцией в российских условиях может стать наведение должного порядка в правовом поле распределительных и перераспределительных отношений.

В последнее время общественному мнению под разными предлогами навязывается «общенациональная необходимость» сокращения участия государства в содержании и развитии социальной сферы. Сокращается число вузов, закрываются «бесперспективные» (как будто имеют право на существование только перспективные) вузы или школы, содержание здравоохранения и коммунального хозяйства перекладывается на семейные бюджеты населения, опережающими другие страны темпами растут цены и тарифы. И никто из руководителей не в состоянии просчитать последствия этих действий — перекладывания ответственности за рыночные результаты на нерыночные институты (науку, образование, здравоохранение, коммунальное хозяйство, и в конечном счете на население), которые принято называть бюджетной сферой. За состояние и перспективы развития этих сфер и по рыночной логике (если государство заботит социальное благополучие в обществе), и по закону (Конституция РФ ответственность за состояние социально-культурных сфер возлагает на государство), и

по общечеловеческой логике обязано отвечать государство, мобилизуя на это силу и авторитет государства, принуждение к исполнению и необходимые для развития финансовые ресурсы. В сегодняшней России статус учителя, воспитателя, педагога вуза, библиотекаря снижается: оплата их труда составляет соответственно 11; 5; 15; 7 тыс. руб. ежемесячно, этот факт свидетельствует об одном: в обществе не все «настроено на нужную волну общественного развития» [57, с. 16-20]. Зарплата в социальной сфере мизерная, а количество миллиардов удваивается почти каждые пять лет.

Очевидно, что причины подобных «перекосов» необходимо искать не «в ограниченности бюджетных возможностей государства» и не в советском наследии, а в существующих механизмах распределения и перераспределения совокупного и валового национального продукта между различными слоями, группами и жителями Российской Федерации. Представители либерально-рыночной школы, которые правят бал при распределении бюджетных средств, считают невозможными и опасными любые попытки оптимизации распределительных механизмов. Их не смущают аргументы, приводимые в пользу трансформационных изменений распределительных механизмов, хотя они заслуживают, на наш взгляд, хотя бы серьезного публичного обсуждения. Таких аргументов несколько, но выделим наиболее существенные:

1. Настаивая на сохранении, к примеру, плоской шкалы налогообложения доходов физических лиц, представители либеральной школы защищают и отстаивают равенство в налогообложении далеко не равных доходов. И это при том, что мировая практика доказала низкую эффективность подобного механизма, от которого некоторые страны уже отказались, а другие обсуждают варианты замены.

2. Сохранение плоской шкалы налогообложения превращено в российской реальности в своеобразную ширму, за которой маскируются дополнительные (сверх заработной платы) доходы физических лиц. В доходных группах удельный вес всех внезарплатных доходов в среднем по стране составляет порядка 60-65%, а в Москве в двух последних доходных группах превышает 90%, что позволяет россиянам с высоким доходом сокращать налоговую нагрузку более чем в два, а москвичам — почти в 5 раз. К примеру, дивиденды облагаются налогом в размере 9%, с бонусов «успешных управленцев» и функционирующих собственников, которые часто исчисляются сотнями миллионов

рублей, налог взимается в размере тех же 13%, а проценты с банковского капитала налогом облагаются вообще по минимуму и по довольно сложной методике. И такое положение устраивает элиту российского общества. Но далеко не всех и не абсолютное его большинство.

3. Существующая система налогообложения заработной платы населения лишь формально считается плоской и равной, а по своей сути она сверхрегрессивная. Это только социально пассивные граждане считают 34% социального налога нагрузкой на бизнес. Социальный налог всегда был и остается налогом на нашу с вами заработную плату. Бизнес минимизирует этот налог выплатами «серых зарплат», «черного нала» и др. Крупные собственники и их менеджеры успешно минимизируют фонды оплаты труда увеличением бонусов и дивидендов, добиваясь от руководства страны льготного налогообложения под предлогом реструктуризации, обновления и т. п. Особое положение с социальным налогом у работников бюджетных сфер. Оплата их труда осуществляется из сметного фонда оплаты труда, из которого централизованно изымается 34% для общегосударственного финансирования социальных обязательств государства. Подобное изъятие становится гарантированным источником финансирования государственных социальных обязательств. Для работников бюджетных сфер — дополнительным налогообложением их заработка, которое с 13% возрастает до 47%. И эта ситуация не только сохраняется, но и углубляется при сложившейся системе распределительных отношений.

Налоговая система (как и вся распределительная система) настроена и функционирует в интересах богатых. Реализуемые правительственные программы и стратегии объективных показателей по бедности и неравенству не содержат. Нет и прогнозной динамики их изменения на стратегическую перспективу. Правда, и в «победных» информациях о росте фондового рынка, повышении доходности и прибыльности госкорпораций, компаний и банков с государственным участием не найти информации ни о доходах, поступающих в госбюджет, ни о том, как они расходуются.

Логика подобного отношения властной элиты к проблемам распределительных отношений исходит из либерально-рыночного представления о социальной сфере. Сфера, обслуживающая человека труда и формирующая его возможности высокопроизводительно, инициативно и творчески работать на улучшение общественного благосостояния, рас-

смачивается как исключительно затратная и никоим образом не улучшающая конечные результаты рыночного развития. Под этими либерально-рыночными флагами российскому обществу насильственно навязывается модель платного здравоохранения, платного образования, сокращения количества школ, больниц, вузов. Непомерно растет плата за коммунальные, бытовые и инфраструктурные услуги, лекарственные препараты. Социальная сфера, как и человек труда, перестали рассматриваться как активные участники экономического развития, способные влиять на темпы и качество экономического роста. Какая уж тут политическая экономия? Все что угодно — экономикс, экономическая теория, макроэкономика, «государственно-олигархическая политическая экономия» и т. д., и т. п., но только не политическая экономия цивилизованной системы хозяйствования.

Все сказанное позволяет утверждать, что в российской экономике продолжает существовать система эксплуатации не только наемных работников производственной и бюджетной сфер, но и малого, среднего и даже крупного бизнеса, если они не входят число «приближенных к властной элите» структур. Элементы партнерства труда и капитала хотя и существуют, но находятся в эмбриональном состоянии и системного влияния на отношения труда и капитала не оказывают. Именно поэтому в Российской Федерации за годы рыночных преобразований продолжает углубляться неравенство и возрастать бедность, масштабы которой продолжают расти [6, с. 46-58; 54, с. 9]. Было бы логичным использовать динамику неравенства и бедности при оценке уровня и качества жизни российского населения, используя для расчетов медиальные и средние показатели доходов. Эта проблема тем более нуждается в публичном обсуждении, поскольку РФ вынуждена перейти на статистику ОБСЕ по проблемам неравенства и бедности и обязана публиковать эти данные, сопоставляя их с данными других стран. И хочется надеяться, что высказанные предложения станут предметом заинтересованного обсуждения специалистами от науки и от практики.

Рекомендации к размышлению и обсуждению

Процесс «восстановления в правах» политической экономии рыночной системы хозяйствования идет уже давно. Достаточно сослаться на дискуссии представителей российской политэкономической школы на страни-

цах «Российского экономического журнала» (1994–1999 гг.; 2004–2011 гг.). Обращаются к этой проблеме и другие журналы. В частности, в журналах «Экономист», «Журнал экономической теории», «Экономическая наука современной России», «Общество и экономика», «Журнал новой экономической ассоциации», «Вопросы экономики» продолжается обсуждение актуальных проблем экономической науки и повышения качества преподавания экономической теории и главное — ее теоретико-методологического ядра — политической экономии рыночной системы хозяйствования.

Повышенное внимание проблеме политико-экономических исследований и преподавания политической экономии уделяют и международные научные сообщества. Только в 2012 г. организовано и проведено два международных научных форума по проблемам политической экономии. 16-17 апреля 2012 г. в г. Москве состоялся первый политэкономический конгресс стран СНГ и Балтии, организованный международной политэкономической ассоциацией, ООН РАН, Институтом экономики РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова и др. В работе конгресса приняло участие более 500 научных работников из 40 регионов РФ и 30 зарубежных экономистов из Франции, США, Польши, Украины и др. (подробнее см. в [14, с. 199-203]).

В июле 2012 г. в г. Париже на базе Университета Сорбонна проведена представительная научная конференция на тему «Политическая экономия и взгляд на капитализм». Организатором конференции выступила Международная организация «Международная инициатива по развитию политической экономии» (*International initiative for Promoting Political Economy — PPE*), объединившая противников монополии неолиберализма в экономической теории в группу «неоклассической ортодоксии», совместно с Гетородоксальной экономической ассоциацией (АНЕ) и Французской политэкономической ассоциацией (FAPE). В работе конференции приняло участие более 800 представителей из 50 стран, в том числе 9 представителей Российской Федерации.

В июле 2012 г. в г. Екатеринбурге прошел очередной, пятый по счету симпозиум по экономической теории, темой обсуждения на котором стали проблемы политэкономического исследования сущности и закономерностей трансформации национальных рыночных систем под воздействием происходящих процессов глобализации и интеграции в региональные межнациональные сообщества. Более 200 участников, в том числе из стран СНГ, едино-

душно поддержали идею «восстановления в правах» политической экономии и как отрасли научного знания, и как учебной дисциплины, имеющей свой объект и предмет исследования и изучения.

Рекомендации участников Симпозиума во многом схожи с рекомендациями международных форумов по проблемам политической экономии (см. [11]). Единодушны участники в подтверждении возрастающей потребности развития экономической теории в целом не на основе утверждения монопольного положения одной из «школ» или одного научного направления, а посредством конструктивного обсуждения наиболее волнующих проблем национального и мирового развития. В эпоху глобализации характерными формами диалога должны стать равноправие и плюрализм разных научных школ и направлений при доминировании междисциплинарного подхода. В условиях интернационализации социально-экономических отношений ученый и педагог, стремящиеся поддерживать свой статус, обязаны обладать способностью критического восприятия всех имеющихся теорий и точек зрения, участвовать в дискуссиях, находить и объяснять всеобщее и особенное в происходящих трансформационных изменениях, доводить это знание до коллег, научной общественности и студенчества.

Структура и методика преподавания, количество учебных часов требуют серьезного и профессионального обсуждения. Самым худшим и бесперспективным в обсуждении мы считаем заиканность на той или иной дисциплине: политической экономии, или экономикс. На

наш взгляд, логичным могло бы стать деление экономической теории на две части: первая, теоретико-методологическая часть — политическая экономия рыночной системы хозяйствования, с объемом учебных часов на уровне 100 часов для неэкономических специальностей и до 150 учебных часов для экономических (решение должен принимать ученый совет вуза и согласовываться с УМО Министерства образования и науки РФ); вторая, особенная часть может быть посвящена формированию и развитию рынка, поведению разных субъектов рыночных отношений, динамике спроса и предложения, механизмам и институтам регулирования устойчивости рыночных отношений в условиях ограниченности ресурсов и другим проблемам рыночного развития и поведения его участников. Соотношение учебных часов целесообразно сохранять примерно в тех же пропорциях — 100 учебных часов для неэкономических и до 150 часов для экономических специальностей.

Процесс «восстановления в правах» политической экономии и политэкономических традиций, как видим, активно развивается и обсуждается. И эта активность радует и обнадеживает еще и потому, что самое активное участие в этих процессах принимают представители российского политико-экономического сообщества, не оказавшись, как это часто случается, на обочине серьезного и масштабного, но крайне важного для всей мировой науки обсуждения научной, учебно-методической и общественно-политической судьбы одной из старейших научных школ экономических и общественно-политических исследований.

Список источников

1. *Абалкин Л. И.* Размышления о будущем России. — М.: Институт экономики РАН, 2009. — 207 с.
2. *Абалкин Л. И.* Размышления о политической экономии // ЭКО. — 2010. — № 2. — С. 44-58.
3. *Анисимова Г. В.* Проблемы политической экономии. О научной конференции «Есть ли место политэкономии в современной экономической науке» // Вопросы экономики. — 2011. — № 8. — С. 5-12.
4. *Бальцерович Л.* В России нужно разделить бизнес и власть // ЭКО. — 2013. — №1. — С. 77-82.
5. *Белкин В. Н.* Теория человеческого капитала предприятия. — Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2012. — 356 с.
6. *Бобков В.* Межрегиональное неравенство уровня жизни. Состояние и вектор развития // Экономист. — 2012. — № 12. — С. 46-58.
7. *Богданов А. А.* Краткий курс экономической науки. — М., 1923. — 479 с.
8. *Борох О. Н.* Экономическая наука в Китае. Путь к рынку и открытости // Мир перемен. — 2005. — № 2. — С.47-63.
9. *Бочко В. С.* Теория экономического счастья человека. Необходимость формирования и направления поиска // Журнал экономической теории. — 2012. — №4. — С. 7-17.
10. *Бузгалин А. В., Колганов А. И.* Марксизм и институционализм. Сравнительное исследование. Доклад Международной политэкономической ассоциации стран СНГ и Балтии // Журнал институциональных исследований. — 2012. — Т. 4. — № 1. — С. 43-48.
11. *Бузгалин А. В., Колганов А. И.* Современная политэкономия: альтернативы «экономическому империализму» // Политэкономия. Социальные приоритеты : материалы Первого Международного политэкономического конгресса. Т. 1. / Под общ. ред. А. В. Бузгалина, М. И. Воейкова, О. Ю. Мамедова, В. Т. Рязанова. — М., 2013. — 416 с.

12. *Воейков М. И.* Великая реформа и судьбы капитализма в России. К 150-летию отмены крепостного права // Вопросы экономики. — 2011. — № 4. — С. 119-136.
13. *Воейков М. И.* И. И. Рубин и методологические проблемы политической экономии. Рефлексия дискуссий 1920-х гг. // Журнал экономической теории. — 2012. — № 2. — С. 14-25.
14. *Воейков М. И.* Первый политэкономический конгресс // Журнал новой экономической ассоциации. — 2012. — №33. — С. 199-203.
15. *Воейков М. И., Анисимова Г. В., Соболев Э. Н.* Природа, факторы и социальные аспекты внутрикорпоративного неравенства в России // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. — 2012. — № 3. — С. 43-51.
16. *Глазьев С. Ю.* Уроки очередной Российской революции. Крах либеральной утопии и шанс на «экономическое чудо». — М.: Издательский дом «Экономическая газета», 2011. — 576 с.
17. *Гловели Г. Д.* «Социализм науки». Мебиусова лента А. А. Богданова. — М.: Знание, 1991. — 362 с.
18. *Гловели Г.* Политэкономия в широком смысле. Элементы институционализма и утопии // Вопросы экономики. — 2010. — №10. — С. 113-134.
19. *Гончаров В.* Актуальность «Капитала» К. Маркса в XXI веке // Проблемы теории и практики управления. — 2012. — № 4. — С. 113-126.
20. *Гринберг Р. С.* Когда идея становится слишком материальной силой. Слово к читателю // Мир перемен. — 2012. — № 2. — С. 3-6.
21. *Гринберг Р., Рубинштейн А.* Основания смешанной экономики. Экономическая социодинамика. — М.: Институт экономики РАН, 2008. — 483 с.
22. *Гринин Л. Е.* Ждут ли мир глобальные перемены? // Вестник Российской академии наук. — 2011. — Т. 81. — № 4. — С. 321-331.
23. *Губанов С. С.* Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция. О формуле развития России // Экономист. — 2008. — № 9. — С. 3-27.
24. *Десягин М.* Попрошайки-олигархи // Аргументы и факты. — 2013. — №6(6-12.02.2013). — С. 5.
25. *Дятлов С.* Инновационная гиперконкуренция как фактор развития экономической системы // Экономист. — 2012. — № 5. — С. 71-80.
26. *Евстигнеева Л. П., Евстигнеев Р. Н.* Догоняющее развитие. Современная трактовка. — М.: Институт экономики РАН. 2012. — 45 с.
27. *Елецкий Н.* Основной вопрос политической экономии и проблемы развития России // Экономист. — 2012. — № 5. — С. 56-68.
28. *Зарецкий А. Д.* К. Маркс и М. Вебер. Онтология противоречий в экономической теории // Журнал экономической теории. — 2011. — №4. — С.63-66.
29. *Кац И.* Ограниченность капитализма и пути развития России // Экономист. — 2012. — № 1. — С. 76-79.
30. *Кирман А., Коландер Д., Фельмер Г.* Финансовый кризис и провалы современной экономической науки // Вопросы экономики. — 2010. — №6. — С. 10-25.
31. *Клинова М. В.* Государство и частный капитал. От теории к практике взаимодействия в европейских странах. — М.: Магистр, 2011. — 400 с.
32. *Колодко Гж. В.* Экономические основы кризиса или кризис экономической науки? // Мир перемен. — 2011. — № 1. — С. 25-38.
33. *Крауч К.* Постдемократия : пер. с англ. Н. В. Эдельмана. — М.: Издательский дом Государственного университета «Высшая школа экономики», 2010. — 192 с.
34. *Куликов В. В.* О современном звучании «Цаголовской школы». Ответы на вопросы членов редакции // Российский экономический журнал. — 2004. — № 4. — С. 45-59.
35. *Ленин В. И.* Новая экономическая политика и задачи политпросвета // Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 44. — С. 155-175.
36. *Ленин В. И.* О значении золота теперь и после полной победы социализма // Ленин В. И. Полн. сбор. соч. — Т. 44. — С.221-229.
37. *Либман А. М.* Есть ли место политэкономии в современной экономической науке? (Материалы научной конференции) // Журнал новой экономической ассоциации. — 2010. — № 8. — С. 17-20.
38. *Львов Д. С.* Россия. Рамки реальности и контуры будущего. — М.: Институт экономических стратегий, 2007. — 120 с.
39. *Любинин А. Б.* Две политэкономии: социально-экономического развития и процессов хозяйствования (объективная обусловленность разных методологических подходов и несводимость теоретических результатов) // Российский экономический журнал. — 2012. — № 1. — С. 86-116.
40. *Макаров В. Л.* Социальный кластеризм. Российский вызов. — М.: Бизнес Атлас. 2010. — 272 с.
41. *Маркс К.* Капитал. Т. 1 // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. — Т. 23. — 908 с.
42. *Мартынов А.* Как понимать «конвергентный путь развития» // Общество и экономика. — 2009. — № 7. — С. 16.
43. *Маршалл А.* Основы экономической науки / Предисл. Дж. М. Кейнса. — М.: Эксмо, 2008. — 832 с.
44. *Матвеевко В. Д., Железняк Т. И.* Политическая экономия и «Экономикс». Единство или антагонизм? // Экономическая наука современной России. — 2005. — № 5. — С. 39-46.

45. Модернизация России. Социально-гуманитарные измерения / Под ред. акад. РАН Н. Я. Петракова. — М., СПб.: Нестор — История, 2011. — 448 с.
46. О'Хара Ф. Современные принципы неортодоксальной политической экономии // Вопросы экономики. — 2010. — № 12. — С. 38-57.
47. Островская Н. Армия федеральных чиновников на местах создает работу для самих себя // Комсомольская правда. — 2012. — 4 сент. — С. 9.
48. Павловский Г. Гениальная власть! Словарь абстракций Кремля. — М.: Европа, 2012. — 267 с.
49. Переход к рынку. Борьба мнений / Отв. ред.: акад. РАН А. Г. Аганбегян, чл.-кор. РАН К. И. Микульский, акад. РАН С. С. Шаталин. — М.: Наука, 1993. — 192 с.
50. Песоцкий А. А. Становление системы трудовых отношений. Исторический аспект // Экономическое возрождение России. — 2012. — № 3. — С. 83-91.
51. Пороховский А. Политическая экономия — основа и стержень экономической теории // Экономист. — 2012. — № 1. — С. 61-73.
52. Примаков Е. М. 2011 год. Взгляд в будущее. Доклад на Меркурий-клубе // Российская газета. — 2012. — 16 янв. — С. 1, 8-9.
53. Райнерт Э. С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными : пер. с англ. — М.: Издательский дом Государственного университета «Высшая школа экономики», 2011. — 387 с.
54. Ракитов А. Больное общество. Есть ли шанс на выздоровление? // Инвестиции в России. — 2009. — №12. — С. 7-14.
55. Ракоти В. Мораль и бизнес // Человек и труд. — 2012. — № 5. — С. 14-19.
56. Россия в глобализирующемся мире. Политико-экономические очерки / Отв. ред. акад. РАН Д. С. Львов. — М.: Наука, 2004. — 467 с.
57. Рыбаков Ф. Ф. Экономическая политика. Теория и практика // Экономист. — 2012. — №12. — С. 16-20.
58. Рязанов В. Т. Политическая экономия особенного. Начало русской исследовательской традиции // Российский экономический журнал. — 2011. — № 5. — С. 22-48.
59. Савченко П., Федорова М. Монополия рабочего места в системе социально-экономических отношений // Общество и экономика. — 2012. — №7-8. — С. 169-187.
60. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов : пер. с англ. / Предисл. В. С. Афанасьева. — М.: Эксмо, 2009. — 960 с. — (Антология экономической мысли).
61. Сорокин Д. Е. Политическая экономия для России // Экономист. — 2001. — №2. — С. 78-84.
62. Социальное неравенство в постсоциалистических странах центральной и восточной Европы. Социологический анализ / Отв. ред. чл.-корр. И. И. Елисеева. — СПб.: Нестор-История, 2011. — 395 с.
63. Социально-структурные факторы консолидации российского общества / Отв. ред. И. И. Елисеева, Г. В. Еремичева. — СПб.: Нестор-История, 2012. — 204 с.
64. Стратегия России 2020. Особое мнение. Материалы круглого стола. — М.: Научный эксперт, 2011. — 120 с.
65. Сухарев О. С. Структурный анализ экономики. М.: Финансы и статистика. — 2012. — 296 с.
66. Татаркин А. И. Итоги мирового кризиса. Что приобрел мир и что потеряла Россия // Вестник УрО РАН. Наука. Общество. Человек. — 2011. — № 1. — С. 13-24.
67. Татаркин А. И. Системный подход к модернизации пространственного развития Российской Федерации // Образование и наука. — 2012. — № 1. — С. 26-45.
68. Туган-Барановский М. И. Основы политической экономии. — 3-е изд. — Петроград, 1915. — 496 с.
69. Фоули Д. Математический формализм и политэкономическое содержание // Вопросы экономики. — 2012. — №7. — С. 82-95.
70. Хубиев К. Инновационная экономика и генезис новых отношений // Экономист. — 2012. — № 1. — С. 62-67.
71. Черковец В. Н. Национальное богатство и национальный продукт с позиций общей экономической теории. Ретроспектива и настоящее. Материалы к лекциям и семинарам // Российский экономический журнал. — 2011. — № 2. — С. 56-73.
72. Черковец В. Н. Первый элемент системы экономических наук. Еще раз по поводу 200-летия преподавания в России политической экономии и к оценке новейших дебатов о ее современных роли и вузовском статусе // Российский экономический журнал. — 2005. — № 3. — С. 5-6.
73. Шерстнев М. А. Шоковая терапия. Идеи тогда и реалии 20 лет спустя // ЭКО. — 2012. — № 5. — С. 133-147.
74. Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия / Предисл. В. С. Автономова. — М.: Эксмо, 2008. — 864 с.
75. Эрхард Л. Благосостояние для всех [репринт, воспроизведение] : пер. с нем. / Авт. предисл. Б. Б. Багаряцкий, В. Г. Гребенников. — М.: Начала-Пресс, 1991. — 336 с.

УДК 330.342.172

Ключевые слова: политическая экономия, рынок, рыночная система хозяйствования, трансформация основного отношения капитализма, развитие отношений партнерства и доверия, доверительные отношения между трудом и капиталом, объект и предмет политической экономии рынка, политическая экономия как научное направление и учебная дисциплина